

Ольга Стародуб

6+

Сказки белой совы

Ольга Ростиславна Стародуб

Сказки белой совы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36622513

SelfPub; 2018

Аннотация

Где-то на белом свете живёт белая Сова. Живёт так давно, что уже и не считает ни дней, ни веков. При долгом течении лет к некоторым приходит мудрость, а если ты Сова, которая умеет говорить и общаться со сказочным миром, то мудрость и не уйдёт никуда. Да и разные истории сами находят Сову, остается лишь продумать для них решения.

За окном

Белая сова летела над землёй. До земли, вообще-то, докопаться ещё надо было. Если у кого такая необходимость и возникла бы. Земля пряталась под толстым слоем снега, спала ещё.

Ночь, белая гладь снежной равнины и белая тень, скользкая бесшумно над этой гладью.

Сова размышляла. Мерные взмахи крыльев ничуть не мешали плавному течению мыслей.

– Странная история, – думала сова, – почему же она плачет?..

В паре вёрст отсюда находится деревушка, в которой на узкой улочке стоит домишко. По ночам в этом домишке всё время светится окошко жёлтым слюдяным светом.

За окошком мелькают тени, и сову, пролетающую мимо, всякий раз разбирает любопытство. Сегодня она не выдержала, зацепилась когтями за ветку кривого дерева, росшего против домика, выгнула голову так, как это умеют только совы, и заглянула внутрь.

Сквозь мутное стекло сова разглядела стол и сидящую за ним женскую фигуру. Женщина плакала, закрыв лицо руками. Иногда она убирала от лица руки и подолгу смотрела в одну точку.

Сова провисела на дереве, пока не затекла вывернутая шея, но картинка за окном оставалась неизменной. Наконец сова поняла, что загадку эту ей сегодня не разгадать, а вот

шею надо как-то на место поставить. И улетела от крохотного домика с жёлтым окошком.

Мышь

Белая сова гналась за мышью. Мышь металась по земле мелкими отчаянными зигзагами, чувствуя всей бурой шкуркой дуновение тихих крыльев, несущих смерть. Однако, сова не спешила. Голодна в этот час она не была, и у мыши имелся шанс, о котором та совершенно не подозревала, сохранить свою бурую шкурку в целости и попасть в легенды и мифы своего мышиноного племени.

Очередной зигзаг окончился неудачей. Для мыши. Когти мягко сомкнулись на спине и взметнули дёргающееся тельце в воздух.

Пролетев пару десятков шагов, сова приземлилась на плоский, покрытый лишайником камень. Плюхнулась на одну лапу, выставив вторую с добычей вперёд, чтобы не сломать хрупкие косточки впавшей в прострацию мыши.

– Ну, голубушка, что ты можешь рассказать мне такого, чтобы я оставила тебе твою жалкую жизнь? Да не вздумай убежать – разговор закончится в тот же миг.

Мышь не помышляла о побеге. Она вообще ни о чём не помышляла, простившись во время ужасного полёта со всей своей многочисленной роднёй и планами на будущее.

– Ну? – когтистая лапа сжала спину, – говорить будешь?

– Буду, – еле слышно выпискнула мышь.

– Убегать будешь?

– Нет, – писк на этот раз был почти не слышен.

– Смотри, – сова убрала лапу и с наслаждением почесала под крылом, – рассказывай.

– О чём, госпожа?

– О чём хочешь, лишь бы интересно было.

Мышь судорожно перебирала известные ей события, сплетни и новости.

– Ага... – вспомнила она, – неделю назад пришёл Смилс, он в городе был. Сыра нет. То есть сыр есть, но это не сыр вовсе, есть его нельзя. И сыром не пахнет. Смилс в магазине был, всю кладовку проверил. Круги лежат, но это не сыр.

Сыр сова тоже уважала.

– Почему пропал? – спросила она.

– Смилс домового нашёл, который магазинный теперь. А куда тому деваться? Жить хочется, дом снесли, в новый молодые хозяева не позвали, даже тапок на виду не оставили. В домовых они не верят, видите ли. А тут уверованный или нет – кушать надо, – мышь осмелела. В её писке стали явно слышны ехидные ноты.

– Вот и перебрался Памфилий в кладовку при магазине, три года прожил там, как сыр в масле. Днём людей полно, ночью отдохнуть можно. Пищалки электронные на Памфилия не реагируют, ходи, где хочешь. А нынче – вишь ты, неприятности. Сыром в масле не покатаешься, если сыр кончился.

Сова потрясла головой:

– Ты на вопрос отвечать будешь? Сыр куда делся?

– Саанкции, – пропищала мышь, вложив в своё питание максимум язвительности, – слово-то какое противное, на блоху похоже заграничную. Сказали, сыр теперь будет родимый.

– Ну и что? – озадачилась сова. В её понимании сыр – он и есть сыр, хоть в этой земле, хоть в южной, хоть на крайних льдах.

– А то! Раз другого сыра нет, значит, можно любую дрянь сыром называть. Сравнить-то не с чем. А там через пару лет люди и забудут, как сыр пахнет. Люди забудут, а нам что делать? С голоду помирать?

Мышь явно забыла, что совсем недавно распрощалась с жизнью. И что мышь-то она полевая, и с сыром встречается редко и по случаю.

Сова хмыкнула. Слово это, на блоху заграничную похожее, она за последний год от людей слышала часто. Кто его мрачно шипел, кто произносил с восторгом. Впрочем, люди вообще существа странные. Мышь эту проще понять, чем людей.

– А скажи-ка мне, голубушка, как Памфилия найти? Впервые слышу, чтобы домовый на пепелище хиреть не остался.

– Так в городе он. Как ты туда попадешь?

– Вот уж не твоя забота. И попаду ли.

– Ну... Магазин в городе есть. Буквы на нём синие.

– Какие буквы? – нетерпеливо спросила сова. Мышь по всем правилам следовало отпустить, говорящей еда быть не должна. А есть начиналось хотеться, беседы и дозволенные речи пора было заканчивать.

Мышь попыталась на камне изобразить буквы, но пыли и песка там не было, и буквы не получались.

– Можно, я спрыгну? – пискнула мышь и втянула голову в плечи. Жить почему-то очень захотелось.

– Да иди уже, – отмахнулась сова, – вон песок какой-то, там напиши и свободна.

Мышь метнулась к краю камня, слетела с него, кажется, даже зависла в воздухе. Бросилась к песчаной проплешине и начертила пять букв, смешно зажав кончик хвоста передней лапкой.

Начертила – и исчезла так быстро, словно растворилась в воздухе. Не иначе, норку какую-то высмотрела.

...А сова полетела на север, размышляя под мерные взмахи крыльев о новаторе Памфилии, странной порче сыра и поисках еды.

Клад

Сова нашла клад. Или клад её нашёл, непонятно. Да и неважно.

Клад лежал под большим пнём, вывалившимся из земли после таяния снега. Глиняный горшок треснул и рассыпался от старости, в горшке лежали немного зёрен и пять серебря-

ных, почти чёрных монет с неровными краями. Зёрна были крупные, отборные, не тронутые ни плесенью, ни прелью. На монетах был ещё виден кораблик с парусами, а с другой стороны какие-то буквы, не разборчивые толком.

Сова походила вокруг черепков горшка, подцепила лапой монету, потом другую. Монеты оказались тяжёлыми и холодными. Интереснее и загадочнее выглядели зёрна, не тронутые временем. Сова ещё походила вокруг, подумала – и перевернула лапой черепки, так что зёрна оказались на влажной земле. Ещё подумала – и лапой же нагребла сверху землю на кучку золотистых зёрен.

Отлетела на ёлку, уселась на ветке и завертела головой, запоминая место. Сове было любопытно узнать, что же вырастет из этих зёрен и вырастет ли.

Четыре монеты сова прикрыла черепком, чтобы они не привлекали внимание, а пятую уцепила клювом и полетела к своему дуплу.

Через неделю сова наведальась к месту. Проростков не было. Ворошить землю сова не стала, лишь перевернула черепок и убедилась, что монеты исчезли. Из тех пяти осталась одна, тщательно прикопанная в дупле.

...Дважды ещё сова прилетала на место клада – зёрна не прорастали.

Разговор

Сова сидела на дереве и размышляла над услышанным на-

кануне разговором двух женщин.

– Никак не могу забыть. Времени столько прошло, а забыть не могу. И рассказывать неловко. Почему так? Чем я провинилась настолько, что он исчез совсем? Ладно, пусть. Он в своём праве. Но сама–то? Что же в покое не оставила? Это молчание – оно совсем почву из–под ног выбило. И что же он теперь думает обо мне? Что совсем дура надоедливая? Он же предупреждал, сразу предупреждал, а я...

– Предупреждение – это же провокация родниковой воды, а ты купилась на эту провокацию.

– Да уж. Я понимаю... Но это нелогично совсем.

– Нелогично. Поэтому не ищи объяснений.

– Не могу. Всё кажется: вот объясню себе и успокоюсь. А объяснить не могу. Только чувство вины всё больше. И теперь кажется, что все видят, какая я дура. Ничего больше не хочется. И никого. Меня бы любой вариант устроил, любой! Только чтобы не замолкал.

– Но тебе не кажется, что те отношения себя исчерпали? Для него?

– Думаю, что да. Почти уверена, что совсем ушёл. Иногда даже представляется, что правильно это. А иногда – хоть на стенку лезь, так хочется, чтобы всё по–прежнему было. Чтобы признал мою нужность для него. Но чудес больше не бывает, и так дважды возвращался. А теперь меня нет.

– С чего ты взяла, что нет?

– Так сам же сказал...

– А зачем ты словам так веришь? Слова не всегда правдивы.

– Но тогда зачем они? Можно же было по-другому тот же результат получить.

– Можно. Значит, ему надо было, чтобы ты мучилась.

– Или настолько наплевать. Своё высказал, дверью хлопнул – а дальше дела нет никакого. Хоть голову себе об эту дверь разбей – всё равно теперь. Не понимаю, совсем не понимаю, как можно так? И вспоминать об этом стыдно. И больно...

Голос говорившей был ровен, но боль плескалась в нём, как густой кисель. Боль была почти материальна, и сова осторожно заглянула внутрь, в мысли, в их сердцевину.

Оранжевая растерянность, бурое разочарование, зелёная тоска (да-да, тоска и в самом деле именно такого болотного цвета), а вот на самом дне нашлась обида, как комок грязного прошлогоднего снега. Обида всё и держит, на ней держится всё, но почему-то женщина не разрешает себе обидеться, вину на себя переводит и мучается от этого. А тут видно же, что привязанность и восхищение нотами для игры оказались. Нотами для проигрыша.

– Вот странные люди, – в который раз думала сова, – играют в игры, прячут свои чувства. Ладно, от других, от себя прячут. Проще нет – самой себе сказать, что влюбилась и что обиделась, когда оттолкнули. Может, тогда и вылечится быстрее? Стыдно, что отбросили, глупо, да только ещё глупо.

пее огород городить из всех возможных чувств, слов и догадок о том, как другой тебя видит – никогда не угадаешь...

Сова встопорчила перья, потянула левое крыло и потрясла головой, избавляясь от сполохов подсмотренных мыслей. Тяжёлые они оказались, да и помочь ничем не могла – не разумеют люди по-совиному.

Домовой

Однажды из тумана, затянувшего лощину, где стояло дерево с дуплом, потянуло сырным запахом. И сова, неожиданно для себя, поднялась на крыло и отправилась разыскивать домового Памфилия.

До города сова добралась в рассветных сумерках. Самое правильное время. Нашла чердак какого-то облезлого домишки на окраине и устроилась в углу на поперечной балке вздремнуть до вечера. Внизу шумели голоса, лаяли собаки, шуршали машины. А на чердаке было сумрачно и паутинно. Где-то начала было скрестись мышь, но, похоже, почуяла опасность и затихла. Сбежала, скорей всего.

К вечеру сова выбралась с чердака и полетела над крышами, высматривая синие буквы того самого магазина, в котором жил Памфилий, бывший домовый. Часа через два магазин отыскался. Пара кругов – и сова разобралась, как проникнуть внутрь. Вентиляционное отверстие под самой крышей, в него как раз пролезала голова, остальное уже прошло нормально.

Сова прекрасно видела в темноте. Да и на свету тоже неплохо. Магазин как раз закрывался, и сова тихонько заухла, чуть выше, чем способно услышать человеческое ухо. У домовых слух шире по диапазону, Памфилий должен услышать, если находится поблизости.

Через некоторое время раздались шлёпающие шаги, и от стены отделилась тень, оказавшаяся крохотным человечком. Лохматая голова, борода тоже веником. Рубаха старинного фасона, однако сшитая из спецовочной синей ткани, подпоясанная домотканым поясом с вышитыми оберегами. И штаны тоже из спецовочной ткани, только зелёного цвета.

– Исполать тебе, государыня, – голос у Памфилия был глухой. И кланялся он по старинному порядку, высчитав по своему разумению обоюдные ранги.

– И тебе здравствовать, Памфилий. Интерес у меня к тебе.

Памфилий отшатнулся:

– Я же не нарушил ничего! Я в тени только не пошёл!..

– Да, полно, – успокоила его сова, – кто я такая, судья, что ли? Интерес теоретический. Как удалось из пустого жилья уйти? Оторваться от очага как?

Памфилий облежённо выдохнул, поправил пояс. Даже волосы пригладились, кажется:

– Пошли чай пить...

Домовой жил в каморке в магазинном складе. Каморка ранее была к розетке подключена и именовалась промышленным холодильником "Атлант". Сейчас там не было ни про-

водов, ни полок, ни холода. И запиралась каморка-холодильник изнутри.

Внутри стояло лукошко с постелью, стол и пара консервных банок Бондюэль в качестве стульев. Одна – фасоль, вторая – кукуруза. Приглядевшись, сова и в столе признала тару, не то пивную, не то ящик другой какой.

Памфилий куда-то сбегал, принёс чайник с дымящимся кипятком, бросил туда щепоть заварки.

– Индийский, – доложил он, – с мятой.

Пора было приступать к рассказу. Сначала Памфилий попытался углубиться в своё замечательно-правильное прошлое житьё, но был совой безжалостно прерван.

Итак. Последние хозяева обзавелись квартирой в какой-то из столиц. Вещи собрали, и то не все. И уехали. Домового же с собой не позвали. Да они в Памфилия и не верили вовсе. В их реальности домовым места не оставалось никакого.

Уехали.

И стало тихо.

Поначалу Памфилий суетился, порядок поддерживал, пыль мёл, мышей гонял и строил. Кошку привадить пытался. Но кошка молока хотела, а молока у Памфилия не было. И, обозвав его на прощание гнусным лжецом и соблазнителем, кошка ушла.

Мыши ушли ещё раньше, с приходом кошки.

Памфилий остался в одиночестве. Зато в стенах завелись древоточцы. С ними уже Памфилий ничего не мог сделать,

силы убывали и таяли. Да и сам он таял, пугаясь просвечивающего сквозь руки солнца.

Покорился бы судьбе Памфилий, растаял бы тихим туманом на утренней зорьке, рассыпался бы в труху вместе с домишком. . . Домовые ведь не боятся смерти, они уходят тихо и в никуда, не в состоянии сопротивляться одиночеству.

Но случились две вещи. Ветром занесло за покосившийся забор кусок газеты с объявлениями и рекламой, где было написано, что вновь открывшемуся магазину в ближнем городе сторож требуется.

А другим ветром занесло под крышу на дождливую ночь двух забулдыг, промышлявших цветным металлоломом.

Забулдыги пахли кисло, совсем не молоком, одеты были в потёртые ватники и невообразимого состояния резиновые сапоги. Но один из них оказался непрост, он – видел.

И толкнув своего напарника в бок, сообщил:

– Домового спасти надо. Жалко мне его, вон брёвна уже сквозь него просвечивают.

– Домовой?! Ты рехнулся что ли, – буркнул второй. Но встретил взгляд, ставший внезапно тяжелее того самого металлолома, и больше не возразил ни слова и не усомнился ни в чём.

Вместе с утра они нарезали веток с осины, первый связал из веток веник, связал оторванными от остатков занавески полосками. Положил веник на пол и проговорил что-то вроде:

– Батюшка домовой, освобождаю тебя от повинности из-века. Поехали со мной на осине серебристой.

– Ко мне поехали? – уточнила сова.

– Нет, со мной, в том-то и дело. Он меня от места отвязал, волю дал. А осина всю печаль вытянула и конституцию вернула. Непрозрачность то есть. Ясно, что повезло мне. На пару месяцев позже пришёл бы Яков – не было бы Памфилия вовсе.

– Яков? Выглядит как?

– Слышала где-то?

– Может, и слышала. Не пойму.

– Худой, заросший, волосы на лоб падают. Но выбрит гладко, как умудряется?

– Не растёт борода, – буркнула сова, – Цвет волос какой?

– Чёрные, с сединой. А глаза светлые. Почему не растёт борода?

– Я откуда знаю? – удивилась сова, – Может, заклятие какое, может, проклятие, может генетика такая.

С домовым всё было ясно. Не сам новатором заделался, помогли и спасли от развоплощения, повезло необычайно. Надо заканчивать чаепитие, много клювом из чашки не нащёлкаешь, да прощаться. Отправляться домой, авось к полудню в дупле будет.

Осталось поразмыслить, где слышано было про безбородого Якова...

Зёрна

Отдохнув от свидания с Памфилием, сова решила ещё раз навестить место найденного клада. По дороге она успешно поохотилась, на этот раз не вдаваясь в разговоры с пропитанием. И, не надеясь ни на что, плюхнулась перед вывернутым корнем.

И увидела. Зёрна проросли! На том месте, где она их прикопала, из земли пробились тонкие красноватые побеги. Побеги были небольшие, странного оттенка. И их было гораздо меньше, чем зёрен. Но они были, они проклюнулись. Сове даже захотелось как-то ускорить прорастание, совы – они любопытны. Но как? Лапой вытягивать?

Сова походила вокруг, на всякий случай откинула от проростков сухие веточки. Забралась на ветку ближнего дерева и задремала.

Проснувшись – сразу бросилась к проросткам. Но ничего, разумеется, не изменилось. У растений, даже таких необычных, своё время и свои сроки.

Болезнь

После разговора с Памфилием сова несколько раз пыталась вспомнить, где слышала она о черноволосом безбородом человеке, знакомом не только с людским миром, и всё ей не удавалось. То мышшь особо жирная попадётся, то, наоборот, не попадётся никакая. То дятел поселится по соседству, и пока его не удалось изгнать – голова болела, не переставая.

То лисы затеют свои игры как раз под деревом с дуплом, а шумят эти рыжие бестии не хуже дятла. В общем, не везло сове в последние дни. Никакого покоя и сосредоточения.

Но вот выдался спокойный день. Пасмурный, слегка дождливый, без ветра, дятла и лис. Всё, как нужно. Сова забила поглубже в мягкую подстилку в дупле, прикрыла глаза и погрузилась в размышления.

Ага, вот и первое воспоминание. Маленький городок на скалистом берегу нездешнего моря. Каменные домишки, узкие окна – из-за непрерывных морских ветров. Рыбацкие лодки у причала. Люди в тёмных одеждах. Каменная же церковь на скале и небольшое кладбище с зелёной травой и оградой из обкатанных морем валунов.

Вот там. Точно! Сова даже открыла глаза – увидев, как наяву, картинку минувших лет, очень давно минувших, очень. Но сразу же было понятно, что Яков этот – не простая штука.

...В городок пришла беда. Захожий проповедник оказался болен и, сорвав голос на площади, призывая народ к покаянию и рисуя перед ними жуткие картины Страшного суда, он свалился в горячке. Сердобольная старуха приютила его в своём доме. У дома росла раскидистая ракета, сова могла устроиться в её ветвях и наблюдать за происходящим внутри. Три дня проповедник бредил и метался на постели, сбрасывая с себя лоскутное одеяло, а потом снова натягивая его, стуча зубами. А на четвёртый день затих. Пришёл священ-

ник вместе со служками, кропил святой водой и что-то гудел, через окно было не разобрать. А проповедник вдруг сел на кровати и выкрикнул страшно:

– И моровая язва за грехи ваши! – и откинулся обратно. Видимо, умер в тот миг. Потому что потом подъехала телега, тело вынесли из дома и отвезли на кладбище, где и закопали в левом пустынном уголке.

Неделю было тихо. Городок жил обычной жизнью и забывал случайного прохожего. Вдруг заболела старуха, у которой окончил свои дни проповедник. Заболела она странно. Красные пятна по лицу и по рукам, беспокойный взгляд и беспокойные речи. Слегла – и больше не встала. Потом служки, так же точно, разве что пятна у них выглядели ярче, чем у старухи. Потом – семьи служек. Четыре дня – и человека уносили за каменную ограду кладбища, вернее то, что от этого человека оставалось. Город пустел. И с каждым отпеванием всё больше горбились плечи у священника, всё растеряннее становился взгляд.

В какой-то из дней с моря пришли рыбаки, отсутствовавшие пару месяцев. Вот среди этих рыбаков и был черноволосый парень по имени Яков. Да, ошибки быть не может, он был. Рыбаки пришли – к пустым домам, семей у многих уже не осталось. И у Якова не осталось. Сова помнит, как он рыдал у свежего холма на кладбище. Кто там был под ним похоронен – мать, отец, жена – сова не знала. Рыдал долго. Потом поднялся и пошёл в церковь. А из церкви ушёл куда-то

по тропинке среди скал.

Через две недели, когда Яков вернулся, от городского населения осталась половина. Вернулся он исхудавший, с обожжённым лицом (ага, вот почему борода не растёт!) и обгоревшими волосами, В затрёпанных, оборванных по низу штанах и с мешком за плечами. Снова пошёл к священнику. Священник был жив, печален и растерян. Болезнь не походила ни на что ранее виданное, походила она на последствия случайного проклятия, произнесённого умирающим в горячечном бреде или на что-то похуже.

– Принёс? – спросил он у Якова

– Принёс, – кивнул тот.

И больше ни слова. Мешок унесли в церковь. Сова полагала, что в мешке том редкие целебные травы, которые Яков собрал, плутая по горам. И была удивлена, когда в вечерних сумерках двое, священник и Яков, вышли с тем же мешком и направились на кладбище к могиле проповедника. Из мешка Яков достал лопату странной формы и стал раскапывать могилу, священник же стоял рядом, беззвучно шевеля губами, видимо, молитвы читал. Вскоре забелел саван, точнее, та простыня, в которую похоронили проповедника. Яков концом лопаты отодвинул ткань от того места, где была голова. Впрочем, почему – была? Голова находилась на месте, издавлека сове показалось, что и никаких следов тления не было.

Тогда из мешка достали небольшой кувшин и свиток, и толстую тёмно-жёлтую свечу. Священник свечу зажжёт, раз-

вернул свиток. Яков открыл кувшин. Они встали по обе стороны могилы, было произнесено что -то типа: "Раз, два, три..." Сова бесшумно перелетела как можно ближе, не в силах справиться с любопытством.

Священник начал нараспев читать текст со свитка на незнакомом языке, Яков лить жидкость из кувшина на голову покойника. Свеча горела тихим ровным светом. Вдруг свет свечи задёргался и заметался, как будто пламя хотело оторваться от фитилька. Но это ещё полбеды, лицо (да, и в самом деле, там было ещё лицо, а не череп) покойника начало гримасничать, словно пыталось увернуться от жидкости. Правда, недолго. Кожа лопнула посередине и начала сползать по обе стороны, под кожей обнаружился не вполне человеческий череп, глазниц, по крайней мере там было три, третья – маленькая в середине лба. И нос имелся свой собственный, маленькая кнопка с двумя отверстиями гораздо выше человеческих ноздрей. И кость не белая, тёмная кость, почти невидимая в подступившей темноте. Или то была чешуя?

Жидкость в кувшине закончилась одновременно с последними словами со свитка. Свеча погасла. И Яков стал закапывать могилу обратно всё той же странной лопаткой. Молча. Как будто все действия были давно обговорены и выучены. Заровнял холм, уложил сверху куски снятого дёрна, притопал ногой. Потом лопаткой же старательно разбил кувшин, и черепки засунул под дёрн.

После этого подобрал пустой мешок, и они со священником пошли с кладбища.

Только выйдя за ограду, Яков спросил:

– Как вы догадались, святой отец?

– Я не был уверен до конца, – ответил тихо священник, – но если и это не поможет – тогда умрут все.

– Кобольды сказали, что поможет.

– А они сказали, кто это был?

– Они не называют его, чтобы не приманить. Он промахнулся, он шёл к ним. Потому и отделался я легко, потому и помогли. Проповеди же на площади были – чтобы сосчитать добычу.

Священник с Яковом дошли до дома священника, зашли внутрь и заперли дверь. Сове больше ничего узнать не удалось. А куда Якову было идти – у него не осталось никого...

Наутро вдруг выглянуло солнце. Казалось, даже воздух стал другой, свежее и бодрее, чем был накануне. Священник ничего не сказал своим прихожанам, ни словом не обмолвился о ночном походе и о подвиге Якова. Но с той ночи смерти прекратились, а появившиеся к тому времени пятна выцвели, будто кто стёр их с кожи.

Но дальше след Якова терялся. Из городка через какое-то время он ушёл, закинув на плечо мешок. Пошёл не в сторону скал, пошёл по другой дороге, ведущей на равнину.

Ростки

На месте клада всё переменялось. Проростки странного красного цвета вымахали в сажень, растопырились острыми листьями и на макушке каждого обнаружилась завязь будущих цветов. Цвет оставался всё тот же, явно не травяной, красно-коричневый, ставший более тёмным. Завязь же оказалась серая с каким-то металлическим отливом. Острые листья с чуть опушёнными краями почему-то настораживали и отбивали охоту их потрогать.

Сова обошла вокруг образовавшегося странного огорода, поковыряла землю лапой в одном месте.

И улетела.

В дупле она откопала сохранившуюся монету и долго разглядывала странный полустёртый рисунок. То, что на первый взгляд выглядело шутовским колпаком, оказалось носом корабля с добавочной балкой-тараном внизу. А вот буквы истёрлись настолько, что определить хотя бы одну из них не удалось. Странный клад, странное место. И куда делись оставшиеся монеты? Место глухое, людей там точно не забредало. А зверям монеты ни к чему – их не съесть.

В сумерках сова снова прилетела на место клада и совсем не удивилась, обнаружив, что завязи, за день прибавившие в размерах, слабо светятся холодным сего-голубым светом. Как гнилушки на болоте, только оттенок свечения был другой, без намёка на теплоту.

Но ночь – время охоты, и сова полетела прочь, прислушиваясь к шорохам внизу. Пара жирных леммингов прошур-

шала в кустах, обозначив начала охоту. Леммингов она не уважала, в разговоры с ними никогда не вступала. А вот в качестве пропитания они вполне годились.

После охоты вспомнился домовый Памфилий и непростой Яков.

– Как бы его отыскать – подумала сова.

Если он так мимоходом помог домовому, есть надежда, что и совиный язык понимать будет. А его рассказы послушать... Это же сколько там всего узнать можно будет, и полезного, и загадочного... Но где же его искать? И почему он так выглядел при встрече с домовым? Спился? Жить устал? Искру потерял? Нет, искра при нём, иначе бы домового не выручил.

Совы – не чайки, в городских помойках они не ориентируются. Ага, вот она зацепка, чайку отловить требуется. Противные они, вести себя не умеют, горластые и дурнопахнущие. Сова встопорщила перья, вспомнив этих собратьев по перу. Но что делать, любопытство – страшная сила.

На берегу реки

Тяжелые зеленые листья шелестели на ветру, доходя чуть не по пояс человеку. Текучие зеленые волны прокатывались одна за одной под ровным не стихающим ветром. И по пустынной дороге, рассекающей это бесконечное травяное море, ехал неторопливо всадник.

Лошадь под ним была ничем не примечательная, так, гне-

дой масти кобыла. Шла она упругим шагом, изредка встряхивая головой. Видно было, что есть у хозяина ее какая-то цель впереди, но цель не срочная, скорее даже, имелось этой цели наличие.

И всадник был ничем не выдающийся, особенно на первый взгляд. В седле он сидел уверенно, поводья придерживал слегка. Одежда была цвета неяркого, неброского, и, более того, немаркого. За плечами топорщилась рукоять меча, у седла были приторочены лук со стрелами. То есть все как обычно и как положено.

Всадник был погружен в раздумья ровно настолько, чтобы не замечать длины пути, и в то же время еще как бы не совсем уйдя в себя.

Солнце светило не жарко. Перелом лета давно прошел, да и лето в этом году выдалось дождливое и прохладное. В воздухе висела какая-то лень и успокоение.

Так проплывали время и дорога, петляющая вокруг одной ей ведомых всхолмий и распадков. Вот уже и солнце четко определилось, куда спуститься ему на отдых. Впереди показались ракиты, протянувшиеся вдоль небольшой речки.

Всадник встряхнулся, освобождаясь от раздумий, и посмотрел на деревья, чьи серебристые кроны и темные стволы уже стали видны во всех подробностях. Под деревьями было тихо и пусто.

– Ну, что, Гнедка, привал?

Лошадь подняла голову и слегка прибавила шаг. Уста-

лость после дня безостановочного пути, казалось, не чувствовалась ею вовсе, видимо, потому, что хозяин никак не указывал ей темп передвижения, и лошадь сама настраивала свой шаг.

Вот перед ними уже оказался берег реки, довольно пологий, так что оказывалось удобно подойти к воде. Плавно текла вода, и, если бы не легкая рябь, могло показаться, что река и вовсе стоит на месте.

Мужчина спешился, присел, потянулся, разминая затекшие мышцы, и скинул небрежно плащ. Оказалось, что он невысок и широкоплеч, темные волосы, аккуратно подстриженные, едва достигали плеч, бороды и усов не было вовсе, возраст же определить было затруднительно. Он разнуздal лошадь, благо травы вокруг присутствовало достаточно. Собрал сучья и развел костер. Сучьев в этих прибрежных зарослях тоже нашлось в избытке. Достал котелок из приседельной сумки, налил воды... Все это проделывалось привычно, ловко и споро. Когда вода закипела, он засыпал крупу, которую тоже достал из сумки, и в крупу покрошил куски мяса. По берегу поплыл ароматно-дразнящий запах.

Солнце еще не коснулось горизонта. Поэтому можно было позволить себе такую роскошь, как уставиться на языки пламени, что мужчина и проделал с видимым удовольствием.

За спиной подуло ветром, мужчина обернулся и увидел перед собой, вернее над собой, на низкой ветке раскидистой ракиты, белую сову. Сова смотрела на него жёлтыми неми-

гающими глазами, слегка наклонив голову и улетать не собиралась.

– Ну вот, здравствуйте, – произнёс мужчина, – и что ты тут делаешь?

Ответа, разумеется, он не ждал. Какой ответ от совы, этак можно и от Гнедки начать ждать ответов. Сова была безопасна, это мужчина почувствовал, потому и не потянулся к оружию.

– Ответь мне, Яков, – вдруг заговорила сова, – а что ты тогда делал в заброшенном доме в непотребном для тебя виде?

К чести Якова надо отметить, что дыхание он восстановил быстро, минуты две, не более того, во время которых он стоял, открыв рот, и таранился на сову. Сова говорила вполне внятно, и голос у неё был глуховат и низковат, но вполне себе человеческий и даже женский. Но она говорила! Сова! Непонятно откуда взявшаяся на берегу этой реки.

– В заброшенном доме, – переспросил наконец мужчина, – в каком ещё доме?

– Там, где ты спас домового, – ответила сова.

Вот тут мужчина, наконец, изумился окончательно. И даже повёл глазами, проверяя, на месте ли ножны.

– Я не спасал домового, – сказал он, – я их вообще никогда не видел.

Тут пришлось удивиться сове. Глаза у неё стали ещё круглее, как будто это было вообще возможным, и голову с эти-

ми круглыми глазами она вывернула под совершенно невысказанным углом, как умеют только совы. Тщательно осмотрела Якова, у того появилось ощущение, что его просвечивают насквозь, вздохнула, переступила с ноги на ногу и заявила:

– Ну, и что делать теперь?

– А что стряслось? – поинтересовался Яков.

– Я как сюда попала? И как мне теперь выбираться отсюда?

– Хочешь, со мной поедешь, на плече, завтра. До чего-нибудь доедем.

– До чего-нибудь и доедем, – согласилась сова, – да вот до того «когда», которое моё, вряд ли. Время здесь другое. Поэтому ты и про домового не знаешь, и выглядишь нормально, и с амуницией управляешься привычно. С амуницией, а не с металлоломом. Вон лук какой ухоженный.

У костра

– Ты-то сама кто такая? – наконец спросил Яков, – и откуда знаешь моё имя?

Сова удивилась. Снова вывернула голову и посмотрела на свои перья.

– А ты не видишь разве, – спросила она, – сова я. Белая. Ещё называют полярной.

– Ну, да, ну, да, – проворчал Яков, – просто все белые совы говорящие. И летают стаями каждый день вокруг. И со всеми я знаком.

– Нет, – серьёзно возразила сова, – говорящих белых сов я больше не встречала. Хотя, кто знает, может и есть. Откуда я тебя знаю? Тут и ответить сложно. Про домового тебе говорить нельзя, да и знала я тебя раньше, ещё до того, как ты от моря ушёл. Но вот почему, тут не смогла вспомнить.

Каша в котелке изо всех сил сигнализировала о готовности, и Яков повернулся к костру. Снял котелок с огня, оставил на землю, помешал варево, попробовал. Полез в свой мешок, достал оттуда тряпицу с солью. Посолил бережно, снова попробовал. Сова в это время бесшумно сорвалась с ветки и улетела в лес. Яков повернулся – а её нет.

– Жаль, – сказал он вслух, – теперь над догадками маяться.

Но сова вернулась почти сразу, неся в лапах какой-то стебель, который сбросила рядом с котелком.

– Положи, – велела она, – вкуснее будет.

Яков послушался. Из котелка тут же запахло какими-то копчёностями и чесноком.

– Это черемша, – сказала сова, – только не совсем обычная, не везде растёт.

– Ты сама будешь есть?

– А то. Буду, конечно.

И они уселись вдвоём над котелком. Каша была очень горячая, сова выжидала, когда остынет и разглядывала мужчину. Разглядывала молча, есть не мешала. И размышляла. Вопросов было много, даже слишком, им было тесно, и все они

просились наружу. Сова привыкла рассуждать вслух. Понятное дело, что Яков на большую часть ответить не сможет, самой надо как-то выкарабкаться из этой временной петли, а для начала понять, где она в неё провалилась.

Итак, она собралась проведать проросший клад. И даже долетела до высоких жёстких стеблей, ставших уже совсем кровавого цвета. Бутоны наверху налились и, кажется, начали раскрываться. Сова зацепила лапой один стебель и наклонила к себе, чтобы рассмотреть получше. Ага. Вот тут-то её и накрыло. Какой-то период она не помнит вовсе, а потом очутилась в лесу, причём считала в тот момент, что всё совершенно нормально и по плану, и полетела на свет костра и запах еды. То есть искать надо в этом лесу, где вход, там возможен и выход. Не обязательно, конечно, но надо верить в лучшее. Однако сейчас никуда лететь не стоит, кто его знает, как ночью оно будет.

С этим сова частично разобралась. Теперь и поесть можно, и Якова расспросить. Каша оказалась плотной, как раз для клюва, и вкусной. Даже мяса досталось.

– Спасибо, – вежливо сказала сова, – очень вкусно. Можешь спрашивать, только не на всё отвечу, ты же понимаешь. Будущее тебе знать не положено, можно напортить всё.

– На здоровье, так же вежливо ответил Яков, – про будущее ты права. Но что спросить тогда? Почему ты разговариваешь? Почему живёшь так долго? Ты ведь не простая птица.

– А почему ты меня понимаешь? Люди не слышат моих

слов. Все остальные слышат, а люди – нет. Ты тоже не простой человек. Стал. Вот и я стала, а вот что было сначала – сова или слово, тут не скажу, самой бы разобраться в этом. Когда живёшь так долго, в память складывается много чего, память у меня хорошая, объёмистая память. Иногда в ней даже удаётся отыскать нужное. Давай я спрошу. Что с тобой случилось у кобольдов? Это с тех пор ты видишь сверх того, что людям положено? И бороды тоже после кобольдов не стало?

Яков подумал о том, что вот сидит он с говорящей птицей, ночью, в лесу, у костра – и ему почему-то не кажется это удивительным. Как должно. И ещё подумал, что поздно уже, и надо бы спать. И тут же пришла мысль, что человек он вольный, у Гнедки травы много, можно и проспать завтра хоть весь день, в лес только нужно будет с солнцепёка уйти.

– Нет, борода исчезла позже. Вареву неудачно полыхнуло, попало паром. Я тогда у аптекаря учеником работал. Из деревни ушёл, подался в город. А есть что-то надо. Вот и пошёл по рукам, – он усмехнулся, – у аптекаря учеником, потом мешки у купчины разгружал, да тот жадный был. Мешков было много, а еды мало. Потом к кузнецу пошёл. У кузнеца долго работал, он меня и отпускать не хотел. Но как кто за полу дёрнул – надо.

– Бывает, – кивнула сова, – и тогда действительно надо уходить.

– Ушёл. Куда глаза глядят. Прибился к каким-то солда-

там. Руки натренированные, кузнецкое ремесло на пользу пошло. Там меня учить мечу взялись. Выучили, удивлялись, что чересчур быстро всё схватываю. После какого-то боя мой меч, – Яков погладил ножны, – и достался. Выбрать разрешили меч из трофеев, этот по руке пришёлся. Так и хожу с ним с тех пор.

– Покажи, – попросила сова.

Яков вытащил меч из ножен. Клинок был узорчатый, великолепный многослойный дамаск, ни зазубринки, ни скола на лезвии. Как ни покажется странным, но сова в клинках толк знала. Узкий и глубокий дол на две трети длины, рукоять восточного образца, хотя сам меч прямой, западный. На рукояти в наверхии зеленоватый камень, а в камне проступают какие-то тени, неразличимые в бликах костра. От меча осторожно шло упругое тепло, меч тоже был непростой.

– Хорош, – похвалила сова, осторожно проведя крылом над дамаском, – и не прост, ты знаешь об этом? Впрочем, мы здесь все непростые. А потом что с тобой было?

Ответа сова не услышала. Словно вихрь поднялся от меча, оттолкнув и завертев в воздушных скрученных потоках. Сова даже вдохнуть не успела, так её закувыркало.

И отпустило. Резко и внезапно.

– Хорошо, хоть крылья целы остались, – прокряхтела сова, выкарабкиваясь из зелёного мха, – и лапы тоже. Что это было, Яков?

Тишина. Сова оглянулась вокруг. Разумеется, так оно и

есть – перед клювом проросший клад с серо-металлическими головками бутонов. Дома.

И в пространстве, и во времени.

Портрет

Следующие несколько дней сова провела в дупле, на мягкой подстилке, выбираясь наружу только, когда голод становился нестерпимым. После такого приключения надо было прийти в себя. Нет, сова не была напугана, когда слишком долго живёшь, напугать может немного. Опыт говорил, что соваться сове сейчас никуда не следует, временные возмущения ещё не улеглись, и кто его знает, какие штуки могут выкинуть?

Лежала, размышляла о Якове. Впечатление о себе он оставил самое наилучшее: спокойный, уверенный, без злости, ровный по настроению и по ощущению себя. Даже сочувствовала: как ему теперь справиться с любопытством?

Размышляла о мече. Меч был связан с Яковым, уж что-то, а такое не увидеть сова не могла. Меч выбрал себе напарника, не хозяина, меч был хозяином сам себе, но командовать Яковым тоже не пытался. Но от слишком внимательного наблюдателя избавился мгновенно. Почему? Или не от внимательного? Может, всё-таки тень от клада как-то проявила себя? Или то, что сова не принадлежит той реальности, в которой обитали меч и Яков?

Клад лучше тоже пока стороной обходить, хоть и интерес-

но было какими окажутся раскрывающиеся цветы? Монету, спрятанную на дно дупла сова тоже трогать остерегалась. Кто её знает, что случиться может. Те четыре монеты пропали неизвестно куда.

Так дни и проходили. Сон, скорее, полудрёма, охота на то, что подвернётся под лапу и снова покачивание на стыке сна и бодрствования.

На пятый день сове стало уж совсем скучно. И в наступивших сумерках она полетела в ближнюю деревушку, где всегда светилось жёлтое окошко. Последний раз сова так и не дождалась разгадки слёз, может, в этот раз повезёт больше.

По случаю тёплого вечера окошко не только светилось, но и было приотворено. Сова выбрала ветку поближе, устроилась поудобнее и застыла, всматриваясь внутрь комнаты.

Комната оказалась небольшой, видимо, в доме ещё были комнаты. Посередине стоял стол, круглый, на гнутых толстых лапах и пара стульев. В глубине комнаты виднелась кровать с пёстрым лоскутным покрывалом. Ещё там были шкаф и комод тёмного дерева с какими-то фигурками на створках и толстый бурый ковёр на полу. Наверное, что-то располагалось и вдоль той стены, где было окно, но этого сова разглядеть не могла. Не залетать же в дом по такому случаю.

Женщины в комнате не было. Под потолком горела лампа под жёлтым абажуром, она и давала такой тёплый оттенок свету из окна. На комодѣ стояли шкатулка, зеркало и какой-то портрет в овальной рамке. Сова прищурила глаза,

стараясь рассмотреть лицо на портрете – и чуть не свалилась с ветки. Взлетела, перелетела поближе, уцепилась когтями за подоконник и засунула голову в окно.

Точно! На портрете был изображён Яков. Ошибки быть не могло. Яков, и в очень неплохой форме, совсем непохожий на бомжа, собирающего для пропитания металлолом.

Хлопнула дверь в комнате, сова быстро отпрянула от окна, взлетела на ветку. Увидела женщину, хозяйку комнаты, успела разглядеть её тёмные волосы и тёплую шаль, накинутую на плечи. Женщина подошла к окну и закрыла створку. Остался только жёлтый свет из мутного стекла и её силуэт,двигающийся внутри.

Сова расправила сначала одно крыло, потом другое, растопырила когти на лапах по очереди, покрутила головой. И тяжело взлетела с ветки. Темнота вокруг сгустилась, в этой темноте тёплый жёлтый свет от окна, за которым был портрет Якова, представлялся маяком. Но пора было отправляться за ужином, одними вопросами сыта не будешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.